

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ СОЖСКОЙ МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Сожская мезолитическая культура была выделена В.Ф. Копытиным в 1970-е гг. в результате многолетнего изучения стоянок Посожья, верхнего течения Днепра и бассейна р. Березина [6, с. 46-51; 10, с. 48-58, 64, 79-86]. История изучения данной культуры неоднократно освещалась в археологической литературе [4, с. 5-10; 5, с. 10-13; 10, с. 3-7; 13, с. 11-15].* Автор статьи ставит своей целью обратить внимание на основные этапы истории изучения и историографии сожской культуры, что даст возможность проследить степень решения актуальных проблем мезолита региона на протяжении последних ста лет.

В литературе традиционно выделяется три этапа истории изучения мезолитических памятников Верхнего Поднепровья. Первый этап относится ко второй половине XIX – началу XX в. Он характеризуется как период сбора и коллекционирования древностей, открытия первых местонахождений эпохи мезолита (В.Е. Данилевич, Е.Р. Романов) [1, с. 12-19; 19, с. 144-145; 20, с. 97-111].

Второй этап начался с середины 1920-х гг. и совпал по времени со становлением научных учреждений в БССР. Толчком для перехода на качественно новый уровень исследований послужили экспедиционные работы К.М. Поликарповича, в процессе которых было найдено большое количество памятников [17; 18]. На данном этапе в белорусской археологии появилась возможность говорить о мезолите как самостоятельной области исследования, а также выдвинуть положение о культурном своеобразии этой эпохи.

На третьем этапе (1970 – начало 1990-х гг.) происходит количественный рост стационарных исследований и накопление источниковедческой базы, что способствовало выработке конкретных схем исторического развития Верхнего Поднепровья в эпоху мезолита. Систематизируя материалы изученных памятников, В.Ф. Копытин выделил сожскую мезолитическую культуру, в ареал которой были включены стоянки бассейнов Сожа (Горки, Журавель, Клины II, Присно), Днепра (Береговая Слобода, Новый Быхов II, Рдица), Березины (Городок, Василевичи, Михайловка) и Беседа (Аврамов Бугор, Бабулин Бугор, Столбун) [10, с. 48-58, 64, 79-86]. По мнению исследователя, данная культура представляла собой явление, сформированное на базе двух культурных традиций – гренской и свидерской [10, с. 48]. Гренские черты прослеживаются в технике расщепления кремня, основанной на монофронтальном снятии пластин и отщепов с одно- и двухплощадочных нуклеусов, с сохранением желвачной корки на тыльной стороне и отдельных типах орудий, основной заготовкой для которых был отщеп; свидерские – в формах наконечников стрел [10, с. 48].

* Общим вопросам истории изучения каменного века Беларуси посвящены также работы К.М. Поликарповича, А.Н. Лявданского, В.Д. Будько, Г.А. Митрофанова, Г.А. Кохановского, Л.В. Алексеева, В.С. Вергей и др.

Хронологія сожскай культуры, по В.Ф. Копытину, укладываецца в пределах VI – V тыс. до н.э., а історыічныя судыбы населення звязваюцца с фарміраваннем верхнеднепровскай неалітычнаскай культуры [10, с. 48, 59].

Взгляды В.Ф. Копытина на генезіс і хронологію сожскай культуры раздзяляла Е.Г. Калечіц [4-5]. При этом ісследовательніца адзначае асобае палажэнне памятнікаў Цэнтральнай Беларусі, сфарміраваных “на аснове сильных культурных імпульсаў свідера со свойсвеннай ему пластынчатасцю”, што “дае аснованне для выдзялення в Березінскам басейне спецыфічнаскага явялення, не палучыўшага пока названія” [5, с. 71].

Несколько иной подход к решению культурно-історыічных впрасаў эпохі мезаліта Верхнега Поднепровья содержыцца в работах В.П. Ксензова [12-15]. На аснове палученных матэрыялаў ім была выдзялена позднемезалітычэская культура, палучыўшая пераоначальна названне “верхнеднепровская” [12, с. 11-19]. Ее территория занимала обширные пространства бассейнов Березины, Днепра и Сожя. В обобщающем монографическом исследовании “Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья” (Мн., 1988 г.) и ряде статей [14, с. 61-86; 15, с. 5-20] он предложил новую интерпретацию матэрыялаў в рамках днепро-деснінскай культуры.

В территориальном отношении днепро-деснінская культура представлена памятнікамі Верхнега Поднепровья, Восточного Полесья и Среднега Подесенья [13, с. 41-105, 126]. Генетические корни культуры В.П. Ксензов вначале звязывал со свідерам, а в ее развитии выделял три этапа [13, с. 41-52, 126]. В 1990-е гг. данный ісследователь пересмотрел хронологію культуры и уточнил ее происхождение [14, с. 61-83; 15, с. 11-15]. В первую, наиболее раннюю группу, ім были включены памятнікі Смячка XIVA, Б, Г, Бор, Балка, Залесье, Раска, Баркалабово, Шихов, Королева Слобода, Латкі, Чижыха, которые по типологическому составу коллекций однообразны. В инвентарях второй хронологической группы (Береговая Слобода, Рдича, Новый Быхов II, Городище-2, Красновка IА, Михайловка, Горкі II, Загоріны I, Дорошевичи, Лясковичи, Рожава I) появляются “ранее неизвестные формы орудий” [14, с. 76-77; 15, с. 14]. Это различие, по мнению ісследователя, основывается на присутствии в коллекциях памятнікаў позднег групы, кроме достсвідерских форм наконечников, наконечников черешковых без подправки насада плоской ретушью и наконечников с боковой выемкой [14, с. 71, 77; 15, с. 14]. Кроме этого, в поздних комплексах встречаются вкладышевые орудия, ланцетовидные наконечники, наиболее распространенные в бассейне р. Березина, пластины с затупленным краем, трапеции [14, с. 71, 74, 77; 15, с. 14].

Генетические корни днепро-деснінскай культуры В.П. Ксензов считает возможным искать в памятніках свідерскай (иволистные и черешковые наконечники с плоской вентральной обработкой насада, концевые скребки удлинённых пропорций, срединные и ретушные резцы на пластинах, рубящие орудия с захватом, техника расщепления, основанная на снятии пластин с двухплощадочных нуклеусов) и лингбійскай (черешковые наконечники, наконечники с боковой выемкой) традиций [14, с. 82-83; 15, с. 15]. Основываясь на данном положении, он ставит под сомнение возможность формирования сожскай культуры на базе свідерскай и грэнскай культур [10, с. 48-58, 59], што абьясняет отсутствием в Посожье свідерских памятнікаў и малочисленностью грэнских [15, с. 11].

По мнению В.П. Ксензова, техника расщепления и орудийный состав инвентарей свидетельствуют о том, что основным типом-заготовкой для орудий труда днепро-деснінскай культуры служила пластина, што явялется свідерскай чертой [15, с. 11-12, 14-15]. Пластынчатость особенно характерна для памятнікаў басейна р. Березина. Вместе с тем на стоянках Посожья в качестве заготовки

широко использовался отщеп, что и явилось основанием для выделения двух локальных групп: “западной (бассейн Березины) и восточной (бассейны Сожа и Днепра)” [14, с. 77-78; 15, с. 15].

Таким образом, современный период исследований характеризуется практической реализацией принципов историзма археологической науки, появлением обобщающих работ на основе археологических материалов, резким увеличением источников, ростом теоретического уровня науки, активной разработкой и фактическим внедрением новой методики археологических исследований. В то же время складывается сложная и до конца не ясная картина сосуществования на Верхнем Днепре разновременных и разнокультурных памятников, остается нерешенной проблема происхождения, хронологии и исторических судеб населения сожской и/или днепро-деснинской культур.

Первое противоречие проявляется уже в самом названии, что вызывает некоторое недоразумение – это два культурных явления или одно? Название “сожская культура” появилось на страницах публикаций не случайно, поскольку именно в Посожье были получены достаточно выразительные коллекции, позволившие выделить и дать характеристику этому культурному явлению. Понятие днепро-деснинская культура в территориальном отношении шире и охватывает не только бассейны Березины, Верхнего Днепра, Сожа, но и Средней Десны и нижней Припяти. В.Ф. Копытин считал ошибочным включение деснинских материалов в состав днепро-деснинской культуры, т.к. они дают яркий пример распространения геометрических микролитов, не характерных для Верхнего Поднепровья [6, с. 50-51]. Однако деснинский бассейн в культурном отношении многообразен (см., например, Сорокин А.Н. Мезолит бассейнов Десны и Оки (по материалам работ Деснинской экспедиции) // КСИА. Вып. 188. – М., 1986, с. 28-35) и, по мнению В.П. Ксензова, не справедливо не замечать близость кремневых инвентарей верхнеднепровских поселений и стоянок типа Смячка XIV, последние из которых включены им в круг памятников раннего этапа днепро-деснинской культуры [14, с. 66].

Между тем Е.Г. Калечиц подвергает сомнению возможность объединения в рамках днепро-деснинской культуры различных “в геоморфологическом отношении и по насыщенности кремнем областей” [5, с. 71]. А.Н. Сорокин признает днепро-деснинскую культуру историографически несостоятельной и считает, что кремневые комплексы этой культуры смешаны [21; с. 124-125]. По мнению Л.Л. Зализняка, сожская, или днепро-деснинская, культура появилась в результате взаимодействия двух культур и не является уникальным явлением [3, с. 230]. Смешанные памятники являются либо свидерскими, либо гренскими в зависимости от того, какие из признаков этих культур доминируют [3, с. 230]. В этой связи Л.Л. Зализняк считает стоянку Горки свидерской и датирует ее кремневый инвентарь началом пребореального времени [3, с. 229].

По нашему мнению, концепция формирования днепро-деснинской культуры, по В.П. Ксензову, ничего нового не предлагает и во многом противоречива. В противовес схеме генезиса “свидер+гренск”, по В.Ф. Копытину, им была предложена новая – “свидер (на раннем этапе)+лингби (на позднем)”, не меняющая сути проблемы. В.П. Ксензов считал, что свидерское население Полесья испытало “сильное влияние (со стороны носителей традиций культуры лингби – А.К.), в результате чего появляются памятники, сочетающие в инвентаре свидерские и позднелингбийские черты” [15, с. 15]. Однако гренская культура у этого же автора возникла на лингбийской основе, что отчетливо проявляется в наличии “массивных широколиственных наконечников с толстым черешком, обработанным только по краям”, и черешковых ассиметричных наконечников [15, с. 1г]. При

этом заселение северных районов Верхнего Поднепровья населением лингби "фиксируют памятники Эжяринас 16, Дярежничя 31, Глинас 6, Красносельский 5,7 и др." [15, с. 11], которые являются "вторым генетическим компонентом" днепродеснинской культуры [15, с. 15]. Следовательно, если происхождение гренской культуры выводится из лингбийской, которая также является одной из основ днепродеснинской, является ли обоснованным отказ от взглядов В.Ф. Копытина? Да и сожская культура, по представлениям В.Ф. Копытина, не ограничивалась только Посожьем.

Теперь обратимся к хронологии и интерпретации кремневых инвентарей памятников сожской и днепродеснинской культуры. Нерешенность этих вопросов подчеркивается отсутствием дат, полученных с помощью естественнонаучных методов, четко стратифицированных памятников, слои которых не сохраняют органику. Поэтому единственный выход из этого положения исследователи видели в анализе кремневого инвентаря, основанном на сравнительной типологии. В качестве датирующих признаков отмечались: топография стоянок, скребково-резцовый показатель, распространение различных форм наконечников, присутствие в коллекциях незначительного количества трапеций. Обратим внимание, что соотношение скребков и резцов отнюдь не свидетельствует о возрасте памятника, а может говорить о специфике хозяйственной деятельности или специализации по изготовлению определенных типов орудий труда [5, с. 72]. Наличие наконечников типа Хинтерзее (Коромка, Горки, Журавель) и трапеций также не может являться надежным индикатором для датировки памятников позднемезолитическим возрастом. Первые происходят из нестратифицированных стоянок и, по верному замечанию А.Н. Сорокина, определяются типологически [21, с. 62]. В отношении трапеций можно заметить, что время их появления относится к заключительным этапам палеолита [2, с. 234-236; 16, с. 107; 20, с. 44]. В материалах иеневской культуры они получают распространение в пребореальное время [11, 21, с. 128]. По данным Л.Л. Зализняка, находки трапеций на свидерских стоянках Полесья могут свидетельствовать либо о поздних примесях, либо о раннем их появлении, поскольку в Раске и Смячке XIV они обнаружены в четких стратиграфических условиях [16, с. 92-93, 107].

Для ранней группы памятников, которую В.П. Ксензов датирует пребореалом-бореалом (10300 – 8000 лет назад), как отмечалось выше, характерно "типологическое однообразие", которое проявляется в распространении черешковых постсвидерских наконечников [15, с. 12, 14]. Однако происхождение "второго генетического компонента", отчетливо проявляющегося в комплексах позднего этапа (датируется автором статьи атлантическим периодом (8000 – 7000 лет назад)), "связано с появлением в финальном палеолите в южной части лесной зоны Восточной Европы населения культурной традиции лингби..." [15, с. 15]. И далее: "Вероятно, на рубеже плейстоцена-голоцена оно вступило в контакт со свидерским населением, проживавшем в основном на территории Полесья..." [15, с. 15]. После этого "смешанное население" мигрирует на восток, в деснинский регион, где оставляет памятники ранней группы, а затем "на север, освоив к концу мезолита бассейны Сожа, Верхнего Днепра, Березины в южных и центральных частях Беларуси" [15, с. 15]. Если на рубеже плейстоцена-голоцена являются памятники "смешанной традиции", то правомерно ли утверждение о "типологическом однообразии" кремневых инвентарей раннего этапа? Наглядно это противоречие отражено и в приложенных к статьям иллюстрациях [14, с. 72, 78; 15, с. 12-13], где вместе с постсвидерскими формами наконечников стрел ранней группы памятников демонстрируются "лингбийские" черешковые и ассиметричные с боковой выемкой, известные также в комплексах позднего этапа куль-

туры (сравните, например, рис. 3: 3-4 с рис. 4: 3-4 [15, с. 12-13]). Не совсем ясен тезис о "сильном влиянии населения лингби на свидерцев", которое проявляется только лишь в наличии "черешковых наконечников и наконечников с боковой выемкой" (весь остальной типологический набор связан со свидерской культурой) [15, с. 15].

Ничего не дает для решения проблем генезиса и хронологии сожской культуры и понятие о распространении техники расщепления, отдельных форм орудий труда и использовании в качестве заготовки отщепы как доказательства ее формирования на базе гренской культуры. Не акцентируя внимание на всю проблематику последней, отметим, что на данный момент не известно, какая группа гренских памятников стала генетическим компонентом для сожской культуры. Ведь гренские древности, судя по публикациям, типологически неоднородны, что признавал и сам В.Ф. Копытин. Например, материалы стоянки Боровки ученым связывал с мезинскими традициями, а комплекс Коромки – с Межиричами и Добраничевской [10, с. 14-25]. На это положение обратил внимание А.Н. Сорокин, который предположил, что на территории Верхнего Поднепровья имеются чистые аренсбургские памятники типа Боровка и синкретические типа Коромка, сочетающие в себе аренсбургские и свидерские черты при условии источниковедческой надежности последних [11, с. 16]. Кроме этого, одностороннее параллельное снятие заготовок с одно-двухплощадочных нуклеусов при неоформленном контрфронте было характерно не только для гренской техники расщепления, но встречается и на стоянках свидерской традиции Баркалабово на Верхнем Днепре и в устье р. Смячь на Средней Десне. Очевидно, характер сырья и специфика памятников, территориально приуроченных к выходам меловых пород, содержащих в обилии кремневое сырье, оказывали влияние на типологический состав и облик кремневых инвентарей. Следовательно, причины разногласий по преимущественному использованию того или иного типа заготовки и попытки увязать это явление с определенной (гренской или свидерской) культурной традицией кроются в геоморфологических особенностях тех регионов, где работали исследователи.

Еще одно противоречие наглядно выступает, когда В.Ф. Копытин связывает формирование сожской культуры с поселениями типа Баркалабово, которые он характеризует как свидерские и сравнивает "с памятниками позднего этапа бутовской и неманской мезолитических культур, что обусловлено общей свидерской основой их формирования" [10, с. 49, 54]. Между памятниками свидерской и сожской культур существует хронологический разрыв в 2 тыс. лет, на что обратила внимание и Е.Г. Калечиц: либо стоянки сожской культуры существовали на раннемезолитическом этапе, либо свидерская культура продолжала развиваться в мезолитическое время [5, с. 66]. Проведение аналогий с бутовской культурой является также нелогичным, поскольку для ее памятников были получены абсолютные даты, определяющие существование этой культуры в конце пребореала – бореальный период [11, с. 44-52, 57].

Возникает и другой вопрос: насколько введенные в научный оборот коллекции отвечают критериям "чистоты" и "достаточности"? В настоящее время проблема источника занимает одно из главных мест в археологии каменного века и неоднократно затрагивалась в литературе [11; 21]. Особенно это касается материалов тех памятников, которые не имеют четко выраженного культурного слоя и расположены в непосредственной близости от сырьевых ресурсов.

Анализ публикаций и некоторых коллекций, полученных в ходе изучения мезолитических стоянок Верхнего Поднепровья, показывает, что критике источников не уделялось должного внимания. Только в последние годы появилось

несколько работ, затрагивающих проблему археологического источника для территории Верхнего Поднепровья. Смешанными, по мнению ряда специалистов, считаются такие стоянки, как Аврамов Бугор, Бабулин Бугор, Гренская, Красновка IБ, Рекорд, Речица II, возможно, Горки, Коромка и Печенеж [5, с. 161; 10, с. 47; 11, с. 16; 14, с. 70; 21, с. 127, 141]. Культурная принадлежность некоторых поселений (Дальнее Лядо, Журавель, Криничная, Печенеж) интерпретируется по-разному [10, с. 12, 48; 13, с. 48-51, 123-124; 21, с. 125]. Не исключено, что для решения региональных проблем мезолита могли привлекаться статистически непредставительные коллекции, требующие источниковедческой проверки.

В этой связи целесообразно рассмотреть позицию в отношении эталонности памятника, материалы которого являются культурноопределяющими. Например, таковой является стоянка Горки, коллекция которой опубликована В.Ф. Копытиным как единый позднемезолитический комплекс [10, с. 49-54]. За годы раскопок на памятнике было заложено 11 раскопов общей площадью 1700 кв. м [10, с. 49]. На изученных площадях наблюдались кремневые скопления, концентрация которых в отдельных местах достигала более 200 ед. на квадратный метр, которые В.Ф. Копытин рассматривал как производственные места по обработке кремневого сырья [10, с. 51].

Судя по плану расположения раскопов [9, рис. 1], раскоп-2 1980 г., например, расположен от раскопа-1 1989 г. на расстоянии 170 м, а от раскопа 1985 г. и вовсе на 270 м. Возьмем одну из категорий кремневого инвентаря – предметы вооружения, которые являются одним из определяющих признаков культуры. Так, на площади всех раскопов были найдены черешковые наконечники стрел с плоской вентральной обработкой черешка (доминируют) и черешковые наконечники без нее [10, с.53]. Только в раскопе 1977 г. были обнаружены трапеция и ассиметричные черешковые наконечники гренского типа [7, л. 4], а в раскопе 1979 г. – еще один фрагмент трапеции [8, л. 5]. Может ли этот факт свидетельствовать о культурном синкретизме всего кремневого инвентаря стоянки и сожской культуры в целом либо демонстрирует нам пример инокультурной примеси? Является ли полученный комплекс (комплексы?) находок одновременным? В личном архиве В.Ф. Копытина содержится достаточно интересное, на наш взгляд, замечание по поводу одновременности материалов стоянки Горки.* В нем исследователь высказывает предположение о неоднократном заселении данного урочища.

Таким образом, история изучения памятников эпохи мезолита в последние годы свидетельствует о несомненных успехах в деле интерпретации полученных материалов, однако они далеко недостаточны. Ранее выработанные схемы требуют пересмотра и уточнения. Особое внимание необходимо уделить проблеме генезиса и хронологии, путям культурной адаптации и формирования этнокультурных связей в эпоху мезолита Верхнего Поднепровья. Решение поставленных проблем возможно только на основе сравнительного типолого-технологического анализа статистически и источниковедчески надежных коллекций с привлечением методов математического моделирования и статистической обработки материалов с помощью ЭВМ.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Данилевич В.Е.** Стоянка и мастерская каменного века в Могилевской губернии, исследованные летом 1893 г. // Киевская старина. Отд. I. – Киев, 1895.
2. **Залізняк Л.Л.** Фінальний палеоліт Лівобережної України // Археологический альманах. – № 3. – Донецк, 1994.

* Автор выражает огромную благодарность и признательность Г.Г. Копытной и О.В. Колесневой за возможность использовать материалы личного архива В.Ф. Копытина в своих работах.

3. **Залізняк Л.Л.** Фінальний палеоліт північного заходу Східної Європи. – Київ, 1999.
4. **Калечиц Е.Г.** Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии. – Мн., 1987.
5. **Калечиц Е.Г.** Человек и среда обитания. Восточная Беларусь. Каменный век. – Мн., 2003.
6. **Копытин В.Ф.** Поздний мезолит Посожья // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. – Л., 1983.
7. **Копытин В.Ф.** Отчет о раскопках мезолитического поселения у дер. Горки и в ур. Гренск в 1977 году // Архив ИИ НАН Беларуси, д. № 567.
8. **Копытин В.Ф.** Отчет об исследовании мезолитических памятников в Могилевской области // Архив ИИ НАН Беларуси, д. № 640.
9. **Копытин В.Ф.** Отчет об изучении мезолитического поселения Горки в 1989 году // Архив ИИ НАН Беларуси, д. № 1121.
10. **Копытин В.Ф.** Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья. – Могилев, 1992.
11. **Кравцов А.Е., Сорокин А.Н.** Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. – М., 1991.
12. **Ксензов В.П.** Поздний мезолит Белорусского Правобережья Днепра // СА. – 1986. – № 1.
13. **Ксензов В.П.** Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья. – Мн., 1988.
14. **Ксензов В.П.** Мезолитическая днепро-деснинская культура // Гістарычна-археалагічны зборнік. – 1994. – № 5.
15. **Ксензов В.П.** Финальный палеолит и мезолит Поднепровья Беларуси // Российская археология. – 1997. – № 1.
16. **Неприна В.И., Залізняк Л.Л., Кротова А.А.** Памятники каменного века Левобережной Украины. – К., 1986.
17. **Палікарповіч К.М.** Дагістарычныя стаянкі сярэдняга і ніжняга Сожа // Працы кафедры археалогіі. Т. 1. – Мн., 1928.
18. **Палікарповіч К.М.** Дагістарычныя стаянкі сярэдняга Сожа // Працы кафедры археалогіі. Т. 2. – Мн., 1930.
19. **Романов Е.Р.** Две археологические разведки // Могилевская старина. Вып. III. – Могилев, 1903.
20. **Романов Е.Р.** Археологический очерк Гомельского уезда // Записки Северо-Западного отделения Русского географического общества. Кн. I. – Вильно, 1910.
21. **Сорокин А.Н.** Мезолит Жиздринского Полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы. – М., 2002.

SUMMARY

The Sozh culture was distinguished by V.F. Kopytin in 1970's as a result of many years' study of the Mesolithic monuments in the Upper Dnieper region. The problems of the history of this study as well as the historiography of this culture have been examined in the article. On the basis of the investigation of various literary and archeological sources the author distinguishes the following problems: the genesis, chronology and interpretation of the materials obtained.